

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Из жизни карамели / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-106581-2

Это прозвище у него такое — Рыба-Молот. Ну какая он рыба? Просто глаза широко расставлены. А так — хороший повар, честный человек, хоть и идиот, как его позже охарактеризовали. Работает у олигарха по фамилии Панибратец, и жизнь его ничем особенным не отличается: от котла — к кастрюле, от кастрюли — к холодильнику...

Но вот однажды Рыбе было велено зайти в кабинет хозяина, куда практически никто не допускался (даже уборку кабинета осуществлял японский робот Иمامура). Там Панибратец вручил ему плотный конверт и приказал распечатать его в полночь и без свидетелей, что бедный повар и сделал. После чего судьба потащила его по жутким колдобинам от одних испытаний к другим...

Веселая, легкая, местами озорная, местами добрая книга, в героев которой просто невозможно не влюбиться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106581-2

© Платова В. Е., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все персонажи романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми, медийными и прочими персонами — совершенно случайно. И за их безнравственное поведение, дурные поступки и сомнительные высказывания автор никакой ответственности не несет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НГЫЛЕКА

* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ — *в которой читатель знакомится с Сашей Бархатовым, по прозвищу Рыба-Молот, а также его немногочисленным окружением, привычками и пристрастиями, сомнительным настоящим и невнятным будущим*

...Нынешнее бегство Рыбы-Молота было пятым по счету и самым глупым. Глупее не придумаешь. Стоило ли уезжать за тысячи километров от дома в поисках работы, чтобы вернуться обратно несолоно хлебавши всего лишь спустя три дня? Без выходного пособия, с разбитым сердцем и оторванной напрочь мочкой левого уха.

Мочку было особенно жалко.

Хотя она и не отличалась особой красотой и на ней время от времени вырастали два жестких белых волоска. Которые с таким же постоянством вырывались — что символизировало цикличность жизненных процессов вообще и наличие самой жизни в частности. Потеряв мочку, Рыба-Молот тут же стал рассуждать, что мог бы с ней сотворить, останься она при хозяине. На ныне покойный крохотный кусок Рыбьей плоти можно было навесить серьгу. На нем можно было вытатуировать дикинское животное, или рептилию, или кельтский орнамент. Также можно было оправить его в золото или пла-

тину и украсить бриллиантами. Ничего, ровным счетом ничего не жаль для такой ценной части организма, коей является чертова усопшая мочка! Хоть бы оторвали правую — так нет же, покусились на левую, любимую. Любимейшую!.. За что теперь Рыба будет хвататься, остужая пальцы? А студить пальцы при его профессии приходится довольно часто.

«Не хрен было шастать по всяким, прости господи, салехардам», — коротко резюмировала Кошкина, первая жена Рыбы-Молота.

«И еще скажи спасибо, что только ухо, а не, к примеру, яйца!» — прислала электронное соболезнование Рахиль Исааковна, вторая жена Рыбы-Молота.

С обеими своими бывшими Рыба-Молот поддерживал самые теплые, чтобы не сказать — родственные, отношения. Это было несложно, учитывая, что Кошкина проживала в Москве, Рахиль Исааковна — в Хайфе, а сам Рыба-Молот давно и прочно осел в Питере. До Питера в его пестрой биографии значились: Веймар (город босоногого детства), Шахрисабз (город прыщавого отрочества), Ташкент (город мятежной юности). А также с десяток других, по образному выражению Кошкиной, «муркиных задниц»: населенных пунктов, куда нормальный среднестатистический человек может попасть исключительно по недоразумению. Или (что вероятнее) — с большого бодуна. Отстав от поезда в глухой степи, без денег и документов, с трефовым королем в правой руке и обглоданной куриной булдыжкой в левой.

Впрочем, в карты Рыба-Молот не играл, даже в дурака, а спиртное употреблял вполне умеренно. Без излишней надломленности и высечения негатива. Рыба-Молот вообще был человеком, лишенным каких-либо видимых

недостатков. Собственно, именно эта его стерильность и привлекла в свое время Кошкину с Рахилью Исааковной. Но она же и оттолкнула их — спустя довольно непродолжительное время после начала совместной жизни.

— Ты скучный, — заявила на прощание Кошкина.

— Тебе даже изменять не в кайф. Никакого морального удовлетворения, — заявила на прощание Рахиль Исааковна.

Еще одной причиной, по которой женщины сначала льнули к Рыбе-Молоту, а потом отдалялись от него со стонами, воплями и проклятиями, была профессия. На всех бейджах (а их к тридцати пяти годам у Саши Бархатова скопилась целая коллекция) значилось «**ШЕФ-ПОВАР**» —

с незначительными вариациями, касающимися шрифта и языка. В общей сложности «шеф-повар» был воспроизведен на пяти, включая собственно русский, а также грузинский, турецкий, иврит и — совсем уж экзотический — бурятский. В Бурятии, в райцентре Кяхта (он же — «Песчаная Венеция», он же — «Забалуй-городок», население 18 тыс. чел., прядильно-трикотажная фабрика, медицинское училище, музей Сухэ-Батора, банно-прачечный комбинат) и состоялось боевое крещение Рыбы в качестве шеф-повара. Оттуда же он бежал — под покровом ночи, не предупредив работодателя и не получив окончательный расчет. Тот первый бурятский побег стал моделью всех остальных побегов Рыбы-Молота, о которых Кошкина с Рахилью Исааковной, а также все остальные, равнодушные к его судьбе люди говорили: «Вечно ты так, начинаешь за здоровье, а кончаешь за упокой».

Связи и браки шеф-повара Бархатова тоже заканчивались за упокой. Как говорилось выше — по причине его

профессии. Чтобы ублажить жен и подруг, чтобы привязать их к себе как можно крепче, Рыба-Молот начинал готовить как ненормальный — жарить, парить, тушить и запекать. Сочинять блюда — одно калорийнее другого. Коньком Рыбы-Молота были соусы и сладости, в первую голову — конфеты и шоколад ручной работы. Отказаться от них было невозможно, и потому спутницы молотовской жизни пухли как на дрожжах, раздавались вширь, обрастали лишними сантиметрами на талии (а некоторые, особенно восприимчивые и впечатлительные, так даже двойными подбородками).

— Ну тебя в жопу! С тобой такими темпами скоро в двери пролезать не будешь! — заявила на прощание Кошкина.

— Ну тебя в жопу! С тобой такими темпами скоро грузовая платформа понадобится для передвижения по квартире! — заявила на прощание Рахиль Исааковна.

Нельзя сказать, что обе бывшие сдались без боя. Некоторое время они честно пытались бороться с шоколадно-соусным форс-мажором и искали всяческие компромиссы, при которых можно было бы сохранить и фигуру, и Рыбу-Молота с его растреклятыми вкуснющими конфетами. Так, Кошкина после обильных ночных возлияний отправлялась в сортир, на ходу засовывая в рот два пальца. А Рахиль Исааковна всерьез рассматривала вариант с привлечением в организм некоторого количества паразитов — чтобы совместными с глистами и цепнями усилиями противостоять напасти и поднять метаболические и пищеварительные процессы на новый качественный уровень. О таком кардинальном способе корректировки веса она узнала из какой-то телепередачи, оказавшейся впоследствии псевдонаучной и антигума-

нистической. Вообще Рахиль Исааковна была страстной телеманкой, называла телевизор «иконой» и проводила подле него все свободное и несвободное время — в ущерб многим социально значимым вещам, включая супружеские обязанности. Шутила Рахиль Исааковна в духе «Аншлага» и «Смехопанорамы», политические события в стране и мире рассматривала сквозь призму авторской программы «Однако», а за здоровьем (своим собственным и Рыбы-Молота) наблюдала исключительно с покосившейся пожарной вышки «Малахов +».

В отличие от Рахили Исааковны Кошкина телевизор терпеть не могла, но фанатела от радиостанций FM-диапазона. Особенно тех, которые специализировались на отечественной попсе. Причем тройка любимых исполнителей Кошкиной, как правило, оставалась неизменной:

Валерий Леонтьев,

Валерий Меладзе,

Валерий Сюткин.

Все остальные места в кошкиных топах и чартах тоже принадлежали мужчинам и юношам из наскоро склепанных мальчиковых групп. К женщинам на эстраде Кошкина питала стойкую неприязнь и каждое их появление в радиоэфире встречала презрительным: «О! Кружацца пьськи!» Очевидно, корни этого выражения восходили к некогда популярной серии альбомов «Кружатся диски». До этого Рыба-Молот допер сам, без пояснений со стороны Кошкиной. Первая жена осталась в памяти Рыбы генератором всяческих неологизмов — они (придуманные, заимствованные, беззастенчиво украденные) изливались в таком изобилии, что ни ее, ни его жизни не хватило бы, чтобы объяснить каждый. Кличку «Рыба-Молот», впоследствии заменившую Бархатову и имя,

и фамилию, тоже сочинила Кошкина. При этом она руководствовалась исключительно внешностью мужа, а именно — широко расставленными и максимально приближенными к вискам глазами. Настолько незамутненными, ясными и небесно-голубыми, что первой мыслью каждого, в них заглянувшего, было: э-э, а не дурачок ли ты, часом, милейший? Не даун ли? Не олигофрен?

Идиотизмом, а уж тем более синдромом Дауна, а уж тем более олигофренией Рыба-Молот не страдал. Напротив, в нем присутствовал даже налет интеллектуальности. Во всяком случае, он — единственный из шеф-поваров от Кяхты до хохлацкого Мелитополя — покусился на квазидзэн-буддистскую книжку Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Покушение готовилось три с половиной года, но в самый ответственный момент что-то обязательно мешало ему свершиться. То Рыбу не устраивал формат издания, то переплет (слишком мягкий или, наоборот, слишком твердый — так что и в карман не сунешь). Отсутствие иллюстраций, присутствие иллюстраций, размеры шрифтов; картинка с чайкой на первой странице обложки (слишком натуралистичная), картинка с самим писателем (слишком ненатуральный, перестарались с ретушью!). После того как через руки Рыбы-Молота прошло как минимум семь Джонатанов Ливингстонов, у него возникла стойкая уверенность, что книжка вроде бы уже прочитана. Но как отличить прочитанное от непрочитанного? — в дзэн-буддизме рекомендаций по этому поводу нет. А если и есть — то так завуалированы, что без ста грамм не разберешься. А норма непьющего Рыбы не превышала пятидесяти. Единственное, что он знал точно: чайка по имени Джонатан Ливингстон — мужского рода, а не женского. Но по инерции продолжал

называть чайку — «она». Так было привычнее и удобнее, и никакими дзэн-буддизмами эту привычку не сковырнешь. Впрочем, Джонатан Ливингстон был единственным проколом: Рыба неплохо разбирался в джазе, автомобильной электрике, комнатных растениях и истории папства в цифрах и фактах. И со временем собирался издать сборник кулинарных рецептов. Название для сборника придумалось само собой: «Из жизни карамели и не только». Сокровенной мечтой о сборнике Рыба-Молот поделился с обеими своими женами — на девятый и сороковой день знакомства соответственно. Кошкина (с самого начала относившаяся к прожектам и начинаниям Рыбы со здоровым скептицизмом) заметила тогда:

— Ну вот, куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

— В смысле? — беззлобно удивился Рыба-Молот.

— В смысле, что сейчас все стряпают кулинарные книги. Все кому не лень, я имею в виду. От горе-сочинительниц детективов до артистов, фигуристов и прочих звездюлей. Тьфу, пакость!.. Разве что винторогие козлы из зоопарка не отметились. И тигры-альбиносы.

— А при чем здесь тигры-альбиносы? Они и писать не умеют. У них вообще — не руки, а лапы.

— Бедный ты мой! — Кошкина посмотрела на тогда еще потенциального мужа особенным взглядом, в котором смешались презрение и жалость. Впоследствии этот (ставший фирменным) взгляд достигал Рыбу-Молота довольно часто. — Тигры-альбиносы — это художественное преувеличение. Призванное оттенить весь маразм кулинарной вакханалии. Ферштейн?

— Ферштейн, — с готовностью подтвердил Рыба-Молот и больше с Кошкиной на тему сборника «Из жизни карамели» не заговаривал.

Эта тема всплыла много позже, когда он закрутил роман с Рахилью Исааковной. Рахиль Исааковна восприняла известие о еще не написанном карамельном талмуде без особого энтузиазма, поскольку считала, что кулинарных шоу на любезном ее сердцу ТВ развелось как собак нерезаных. А это идет в ущерб телеаналитике, телепутешествиям, телевикторинам, а также программам из жизни богатых и знаменитых и программам из жизни членистоногих, чешуекрылых и пресмыкающихся.

— Я и название уже придумал, — сообщил Рыба-Молот, успокоенный снисходительным молчанием Рахиль Исааковны, которое можно было принять за одобрение и поддержку.

— Какое же?

— «Из жизни карамели и не только»... По-моему, здорово. Необычно и свежо. А по-твоему, как?

Стоило ему произнести гипотетическое название, как глаза Рахили Исааковны остекленели, кончик носа забавно подогнулся, а по краям дотоле чистого лба волнами пошли морщины, почему-то напомнившие Рыбе-Молоту харизматичные морщины физика Альберта Эйнштейна. *И вообще...* — тут же подумалось ему, — *если состарить Рахиль Исааковну лет на сорок, приклеить ей усы и определенным образом взбить и зачесать волосы — как раз и получится Эйнштейн. Точная его копия. Клон.*

Об Эйнштейне и его научной деятельности Рыба-Молот знал не больше, чем знает простой обыватель, а именно — ничего или почти ничего. Кажется, Эйнштейн был автором фундаментальной теории... э-э-э... относительно-сти (докопаться до ее смысла человеку без спецобразования невозможно, это вам не дзэн-чайка по имени Джона-тан Ливингстон); кажется, Эйнштейн время от времени

показывал язык фоторепортерам и имел проблемы с завыванием шнурков на ботинках. Кроме того, он был нетерпим к критике, волочился за каждой ладно скроенной и хорошо сшитой юбкой и то и дело наставлял рога своей жене (женам). Вдруг Рахили Исааковне передалась хотя бы часть этих несомненных достоинств?..

Не передалась. А если и передалась — то относительно, без всякой там фундаментальности.

Рахиль Исааковна не носила ботинок, кроссовок и прочей обуви со шнурками: она предпочитала модельные туфли летом и модельные сапоги зимой и в межсезонье. Показать кому-то язык? Фи, это не ее, Рахили Исааковны, случай — Рахиль Исааковна безупречна. Вне макияжа, укладки, педикюра с маникюром и чисто выбритых подмышек, ног и лобка она не существует. Критика ею приветствуется, но только конструктивная. А лучше — абстрактная, не переходящая на личности. Еще лучше — если критикуют не ее, а гнуснейшие козы морды из телевизора, имя которым — легион. Изменяла ли она Рыбе-Молоту, будучи замужем за ним? Неизвестно. Скорее всего — нет, разве что в мыслях. Стоя под контрастным душем. Поднимаясь по лестнице на их с Рыбой седьмой этаж, потому что лифт в доме вечно не работает. Рыба-Молот даже вычислил мужской тип, по которому втайне сохла Рахиль Исааковна. Никаких бицепсов, трицепсов и износостойких полиуретановых задниц. Никаких греческих профилей и двулчных ямочек на подбородке. Ничего от Аполлона, но всё — от Винни-Пуха, Квазимодо и Сирано де Бержерака. Чем хуже, тем лучше. Трехдневная щетина — почему бы и нет? Выпирающий кадык — и пес с ним! Перхоть, карие, волосы в носу — переживем и это, куда деваться,